

Выступление Министра иностраннх дел России С.В.Лаврова в МГИМО(У) МИД и ответы на вопросы студентов. Москва, 1 сентября 2012 года

Уважаемый Анатолий Васильевич,
Уважаемый Евгений Петрович,
дорогие друзья!

Прежде всего поздравляю всех студентов, преподавателей с Днем знаний. Рад продолжить традицию ежегодных встреч, которые мы проводим в нашей альма-матер. Особенно рад статистическим данным, оглашенным сейчас Анатолием Васильевичем. За этими сухими цифрами действительно скрываются прекрасное качество образования, которое дает МГИМО(У) и отличные возможности для того, чтобы, помимо знаний, студентов формировали как личностей, что немаловажно в современном крайне конкурентоспособном мире. Приведенные данные, география поступающих в МГИМО(У) студентов говорят и о том, что вуз стал одним из ведущих университетов Российской Федерации и неуклонно укрепляет свой международный авторитет и мировой рейтинг.

МГИМО(У) с честью представляет нашу страну на различных международных площадках. Один недавний простой пример. В рамках ОБСЕ было принято решение в поддержку проведения исследования проблем евроатлантической и евразийской безопасности. Поддержана инициатива, чтобы такое исследование реализовали ведущие центры Германии, Франции, Польши и России. Нашу страну представляли научные работники МГИМО(У). Приятно и то, что многие выпускники Университета выбирают дипломатическую карьеру, тем самым помогая обеспечивать преемственность российской дипломатической службы. В прошлом

году 80% принятых на работу в МИД – молодые специалисты из МГИМО(У) и Дипакадемии.

Сегодня в системе российского образования и вузовской науки наблюдается значительный прирост инвестиций. Содействуем тому, чтобы МГИМО(У) не был обойден стороной, в том числе в решении такой важной и острой задачи, как строительство нового общежития.

Безусловно, эти инвестиции нужны для того, чтобы осваивать новые направления университетской деятельности, использовать инновационные технологии. Отрадно, что в этих благородных усилиях принимают участие и российские, и зарубежные деловые круги. Значительный вклад в решение проблем МГИМО(У) вносит Попечительский совет, среди членов которого много выпускников нашего Университета, состоявшихся в том числе в большом бизнесе.

Дорогие друзья! За прошедший год в мире произошло много событий. Глубокие изменения международного ландшафта подтверждают, что мы переживаем переходный период мирового развития, сопровождающийся серьезными потрясениями. По-прежнему лихорадит еврозону и в целом мировую экономику. Не утихают волнения в различных регионах мира. Это прежде всего Сирия, да и в целом весь регион Ближнего Востока и Северной Африки. Сохраняется напряженность вокруг иранской ядерной программы, на Корейском полуострове. Уравнением со многими неизвестными остается ситуация в Афганистане и вокруг него. Не исчезли угрозы распространения ОМУ, терроризма, наркотрафика, деградации

■ Выступление Министра иностранных дел России

окружающей среды, дефицита продовольствия, распространения эпидемий. Это лишь некоторые примеры из длинного списка угроз и вызовов. Для того, чтобы на эти вызовы реагировать международному сообществу требуется прежде всего их осмыслить и коллективно выработать пути урегулирования соответствующих проблем.

Нынешняя ситуация, по-моему, беспрецедентна. По сути, речь идет об определении основных параметров мироустройства XXI в.

Россия является одним из центров формирующейся полицентричной международной системы и в полной мере осознает свою меру ответственности на этом новом историческом этапе. Идет серьезная работа по уточнению приоритетов нашей страны в меняющемся мире в соответствии с Указом Президента В.В. Путина от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации».

В этом указе, а также в своем выступлении на совещании послов в МИД 9 июля 2012 г. Президент РФ В.В. Путин сформулировал конкретные задачи, стоящие перед российской дипломатией. Не буду их сегодня перечислять. Знаю, что перед нашей сегодняшней встречей вы ознакомились и с указом, и с выступлениями президента на совещании послов, с другими статьями и выступлениями В.В. Путина, а также последними материалами МИД, в которых изложены оценки происходящего в мире и аргументы в обоснование российских подходов. Не буду подробно говорить о сути каждой из этих проблем. Исхожу из того, что у нас с вами будет сегодня время для интерактивного диалога.

Перед тем как перейти к этой части, выделю стержневую задачу, поставленную президентом. Он подчеркнул, выступая 9 июля в МИД, что позитивная уравновешенная роль России в мировых делах становится все более востребованной. Это позволяет активнее влиять на международную ситуацию, более эффективно отстаивать российские интересы. А для этого необходимо действовать на упреждение, быть готовыми к любому варианту развития обстановки.

Отсюда – огромное значение аналитической работы, прогнозирования наиболее вероятных путей мирового развития. И здесь, как представляется, мы имеем определенные преимущества, поскольку сегодня мы свободны от идеологических шор, которые зачастую ограничивают кругозор некоторых наших зарубежных коллег. Как показывает история, обоснованный прогноз далеко не всегда может быть сделан с помощью механической экстраполяции в будущее прошлого опыта и даже сегодняшних тенденций, тем более что вероятность серьезных сдвигов в мировых делах продолжает возрастать. Думаю, что на многое придется взглянуть по-новому, а что-то вообще начинать «с чистого листа». Такая ситуация, конечно, создает определенные риски, но и немалые возможности.

Российская дипломатия всегда славилась своим высоким интеллектуальным потенциалом,

который в сегодняшних условиях подкрепляется активным развитием взаимодействия нашего Министерства с академическими, экспертными и деловыми кругами, неправительственными организациями и другими структурами гражданского общества. В этой связи отмечу важную роль МГИМО(У) и Дипломатической академии, оказывающих серьезное практическое содействие нашей аналитической и прогнозной работе.

В завершение скажу, что учеба в МГИМО(У) – прекрасный шанс присоединиться к тем, кто во все времена служил своему Отечеству, отстаивал его интересы. Уверен, что вы этим шансом воспользуетесь. И те, кто избрет дипломатическую карьеру, и выпускники, которые найдут другие возможности приложения сил и таланта – в журналистике, науке, политологии, юриспруденции, бизнесе. Хотя, конечно, те, кто проработал в МИД многие годы и даже десятилетия, в известной степени предвзяты и считают дипломатическую работу самой увлекательной профессией. Но повторю, решать будете вы уже в статусе выпускников. Мы же постараемся сделать так, чтобы о нашей профессии в годы учебы в Университете вы узнали как можно больше. Я завершил вступление и готов ответить на вопросы.

Ответы на вопросы

Вопрос: На днях во Владивостоке стартует саммит АТЭС, который Россия впервые принимает у себя и будет участвовать как полноправный член ВТО. Накладывает ли это какие-то особые обязательства на Россию или дает ей особые права?

С.В. Лавров: У председателя любого международного форума есть соответствующие права, которые определяются традициями, сложившимися в том или ином формате. Что касается АТЭС, то председатель обычно выбирает ключевые и приоритетные темы для повестки дня. Но существует и традиция, что при выборе тем нельзя перечеркнуть все, что было сделано до вступления соответствующего государства на пост председателя. Тем более вопросы, которыми занимается АТЭС, имеют долгосрочное значение. Рассматриваемые в этом формате проблемы не могут быть решены в течение одного года, в течение которого та или иная страна выполняет функции председателя. Поэтому важны преемственность и новизна подходов.

Предложенная Россией повестка дня, поддержанная всеми странами-участницами АТЭС, обеспечивает такую преемственность в отношении проблематики дальнейшего развития интеграции и либерализации торговых и инвестиционных режимов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Что касается дополнительных тем, которые отражают приоритеты российского председательства с учетом тенденций, наблюдаемых в регионе, то это – инновационное развитие, обеспечение продовольственной безопасности и совершенствование транспортно-логистических систем в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в состав которого входят морские государства, где логистика сложна и требует системного подхода. Эти приоритеты на-

шли поддержку. Помимо прав есть и обязанности, которых гораздо больше. Прежде всего, речь об ответственности за то, чтобы все прошло хорошо с протольно-организационной точки зрения и в содержательном смысле. В отношении смысловых аспектов российского председательства, то саммит АТЭС во Владивостоке – мероприятие, которое венчает проделанную в течение года работу, когда прошло более 90 мероприятий по линии отраслевых министерств, где рассматривались все мыслимые аспекты вносимых на обсуждение саммита тем и подготовлены соответствующие вклады в декларацию, которая будет приниматься во Владивостоке в рамках главного мероприятия 7–9 сентября.

В организационном плане наши протокольные службы совместно с протокольными службами Администрации Президента не раз посещали остров Русский и другие объекты, задействуемые к саммиту, и докладывают, что все в порядке. Надеемся, что так оно и есть.

Вопрос: Ни для кого не секрет, что вы – большой любитель рафтинга. Скажите, пожалуйста, что доставляет больше острых ощущений – рафтинг на отдыхе или преодоление политических барьеров во время службы?

С.В. Лавров: Это разные ощущения. Удовлетворение доставляет и проход сложного порога, и решение непростой проблемы, особенно когда удается добиться консенсуса, отражающего интересы твоего государства. Последний раз такое удовлетворение я испытывал от поездки в Женеву, где 30 июня по инициативе России и бывшего спецпосланника ООН/ЛАГ К. Аннана состоялась встреча по Сирии с участием всех постоянных членов СБ ООН, представителей Лиги арабских государств, Турции, Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна и К. Аннана. Мы работали 8 часов с перерывами и встречами в более мелких группах. В итоге был выработан добротный документ, получивший название «Женевское коммюнике». Участники мероприятия также сформировали «Группу действий».

Я не думал, что удастся достичь консенсуса в тот момент, поскольку расхождения по Сирии были очень серьезными. Это касалось не конечной цели – все согласны, что мы хотим видеть Сирию стабильным, свободным, независимым, демократическим государством, где обеспечиваются права всех граждан, включая права меньшинств, – в этом наши позиции едины. Но с точки зрения движения к такой цели, как вам известно, существуют глубокие расхождения. Наши западные коллеги и некоторые представители государств региона выступают практически открыто за внешнее вмешательство, а Россия, Китай и другие государства убеждены в необходимости немедленно заставить противоборствующие стороны прекратить стрелять друг в друга и сесть за стол переговоров.

Несмотря на существенные расхождения, удалось принять развернутый и детальный документ, в котором излагаются наши предложения всем сирийским сторонам (и правительству, и оппози-

ции во всех ее проявлениях) по началу разговора о переходном периоде, прежде всего формированию представительного переходного органа на основе согласия между правительством и всеми группами оппозиции. И документ получился – консенсус был зафиксирован на бумаге.

Российская сторона предложила одобрить документ в СБ ООН, но, к нашему изумлению, западные коллеги отказались это сделать. Может быть, они сочли, что в достигнутом консенсусе наши интересы отражены в большей степени, чем их. Но тогда это подтверждает подозрения, что в сирийском кризисе некоторые зарубежные партнеры руководствуются собственными геополитическими интересами, а не нуждами сирийского народа, поскольку «женевский» консенсус требовал в первую очередь прекращения насилия и запуска переговоров.

Именно в этом – главный смысл документа и отражение коренного интереса сирийского народа. Мы руководствовались именно таким пониманием. Жаль, что Совет Безопасности ООН отказался утвердить документ в связи с возражениями некоторых западных делегаций.

В Женеве был достигнут очень важный и качественный прорыв в отношении способности договариваться в формате внешних игроков. Надеюсь, заложенные там мысли, которые в наибольшей мере отвечают коренным, а не надуманным интересам сирийского народа будут все-таки востребованы уже Л. Брахими, сменившим К. Аннана на посту спецпредставителя ООН/ЛАГ по Сирии.

Вопрос: Как известно, Россия официально вступила в ВТО, и в этой связи хотелось бы узнать, какие перспективы открываются для нашей страны?

С.В. Лавров: Перспективы подробно обсуждаются в СМИ и экспертном сообществе. Я не буду подробно перечислять все проблемы, которые затрагиваются в дискуссиях на эту тему. Ясно, что речь идет о балансе. Как любая договоренность о присоединении к многосторонним структурам, она отражает баланс интересов. Вам известно, что переговоры шли 18 с лишним лет, в ходе которых детальнейшим образом рассматривались конкретные аспекты торгово-экономических и инвестиционных процессов, которые предстоит пройти нам и нашим партнерам. Мы, безусловно, будем ощущать определенный эффект от облегчения доступа в Россию импортных товаров – для наших потребителей должно произойти понижение цен на многие товары. Мы также должны ощутить существенное увеличение доходов от экспорта, прежде всего промышленных товаров, в страны, являющиеся нашими традиционными партнерами, например государства-члены Европейского союза, где раньше (до 23 августа 2012 г.) имелось немало дискриминационных барьеров.

При всех обстоятельствах, учитывая мнения тех, кто критиковал вступление России в ВТО, и тех, кто на этом активно настаивал, думаю, достигнутый баланс, включающий защитные меры для целого ряда отраслей нашей экономики (таких, как

■ Выступление Министра иностранных дел России

сельское хозяйство, банковская сфера, авиастроение, автомобилестроение), позволит в обозримые годы получить необходимый опыт для работы по нормам ВТО и повысит конкурентоспособность российской экономики, поскольку конкуренция на российском рынке будет более острой. Одновременно членство в ВТО дает нам возможность полноправно участвовать в определении правил торговли товарами и услугами, инвестициями, которые будут разрабатываться в рамках дальнейшей модернизации международной торговой системы. Считаю, что в конечном итоге присоединение является плюсом.

Вопрос: Сергей Викторович, вы уже касались темы Сирии, но хотелось бы уточнить, можно ли решить внутренний конфликт в этой ближневосточной стране без вмешательства иностранных сил и что для этого нужно предпринять, помимо недавней женеvской встречи?

С.В. Лавров: Конечно же, можно. Уверен, что единственно возможным является решение самих сирийцев. Кстати, все на словах говорят именно об этом. В резолюциях СБ ООН подчеркивается, что урегулирование должно достигаться всеми сирийскими сторонами и только сами сирийцы могут определять свою судьбу. Это в полной мере соответствует базовому принципу Устава ООН. Поэтому СБ ООН не может решить по-иному.

Мы регулярно встречаемся и с представителями правительства САР и всех оппозиционных групп, которых немало. Есть внутренняя оппозиция (как умеренная, так и радикальная) и внешняя. Наиболее часто упоминается Сирийский национальный совет (СНС) – его представители являются нашими регулярными собеседниками. Полтора месяца назад новый председатель СНС А. Сейда в составе большой делегации побывал в Москве и начал беседу с того, что сирийцы, безусловно, заинтересованы при всех обстоятельствах оставаться в теплых и тесных отношениях с Российской Федерацией. Он также заметил, что в Сирии идет, мол, не конфликт, а революция и исходить нужно из этого. Мы ответили, что если происходящее является революцией, то чего же СНС хочет от Совета Безопасности ООН? Совет Безопасности не имеет полномочий поддерживать революции и внешнее вмешательство, к чему призывают оппозиционеры Сирийского национального совета.

Внешнее вмешательство должно быть позитивным (по воздействию), и мы настаиваем, чтобы ключевые игроки вмешались совершенно определенным способом: каждый из них должен заставить внутрисирийские стороны (как правительство, так и оппозицию), особенно тех, на кого имеют влияние, прекратить насилие. Именно об этом мы говорили в Женеве, и это отражено в Женевском коммюнике.

Но когда наши партнеры заявляют, что правительство должно первым прекратить военные действия, вывести всех военнослужащих и вооружения из городов и только потом обратиться к оппозиции с просьбой поступить таким же образом, то это – не работающая схема. Речь либо

о наивности, либо о провокации. Когда в городах идут бои, сказать, что единственным выходом является односторонняя капитуляция одной из воюющих сил, – нереальная ситуация.

Дело не в идеологии. Мы не держимся за какой-либо режим или персонажей сирийской ситуации, а исходим из того, что реалистично и что требуется для решения наиглавнейшей задачи – прекращения насилия и спасения жизней. Российский подход отвечает этой задаче, так как первый пункт нашего плана – требование прекратить насилие и сесть за стол переговоров.

Кстати, крупнейший внутрисирийский оппозиционный блок – Национальный координационный комитет, – который настроен резко антиправительственно, недавно выступил с инициативой из четырех пунктов, перекликающейся с российским подходом. Это – прекращение насилия, немедленное решение острых гуманитарных проблем путем доставки соответствующей помощи, освобождение заключенных в правительственных тюрьмах и тех, кого захватили оппозиционеры, и начало переговоров. Мы полностью поддерживаем эти направления, поскольку они совпадают с нашим подходом.

Российская позиция, как и подход Национального координационного комитета Сирии, требующий от сторон прекратить стрелять друг в друга, отвечает задаче скорейшего выхода из кризиса и интересам недопущения нарастания количества жертв. Те же, кто требуют односторонней капитуляции правительственных сил и одновременно поощряют вооруженные отряды оппозиции к продолжению борьбы, получают, исходя из того, что они готовы заплатить дополнительную цену в виде многочисленных человеческих жизней. В этом заключается коренное различие подходов. Если позиции тех, кто настаивают на продолжении вооруженной борьбы, пока правительство добровольно не сбежит куда-то (как нас убеждают публично и в беседах), то у меня создается стойкое впечатление, что ими движут не интересы сирийского народа, а собственные геополитические расчеты в этом важном регионе.

Вопрос: Особый общественный резонанс вызвали события в Лондоне вокруг создателя сайта Wikileaks Д. Ассанжа, который укрывается в Посольстве Эквадора, в то время как британский МИД хочет выдать его Швеции. Как бы вы могли оценить сложившуюся ситуацию?

С.В. Лавров: Здесь, безусловно, есть немало важные аспекты, касающиеся свободы доступа к информации и ее защиты. Было интересно на первых порах читать то, что стало достоянием гласности через Wikileaks. На многое раскрывались глаза, причем я не увидел в материалах того, что может расцениваться как нанесение ущерба национальным интересам или безопасности государств, чьи представители цитировались в материалах Wikileaks.

Скорее, документы пролили свет на способы действий государств, на то, как они относятся к своим партнерам, как их ценят и «за кого их

держат», какими манерами обладают. Это было любопытно, но не более. Но, по большому счету, у нас были ощущения, что именно такие настроения бытуют в дипломатических и политических кругах некоторых наших партнеров – все просто подтвердилось.

Что касается конкретно нынешней ситуации, в которой оказался Д. Ассанж, то нам часто читают нотации по поводу правосудия в нашей стране, хотя судебная система в каждом государстве конституционно продекларирована в качестве независимой ветви власти, и ее решения нужно уважать. Известны примеры, которыми нас попрекают, как и случаи, когда в США суд присяжных, к примеру, единогласно освобождает убийцу. Был такой эпизод много лет назад с одним из голливудских актеров, который убил свою жену и ее любовника. Суд присяжных единогласно его оправдал. Это вызвало взрыв возмущения общественности, но никто не поставил под сомнение решение суда.

Не знаю, в курсе ли вы того, что вменяют Д. Ассанжу в Швеции и насколько процессуально корректны эти обвинения в его адрес – его обвиняют в странных формах изнасилования. Так как в обоих случаях женщины находились с ним в связи не по принуждению.

Не буду продолжать эту тему. На интернет-сайтах можно найти любопытные вещи. Однако сейчас об этом мало пишут, когда речь заходит о происходящем вокруг Д. Ассанжа.

Я уже упомянул о свободе слова и принципе защиты чувствительной информации. Есть также принцип уважения права на политическое убежище. Тем более что Великобритания славится тем, что политическое убежище там получают практически все желающие. На территории Великобритании действует Посольство Эквадора, в котором находится гражданин Австралии, выдачи которого требует Швеция, а сам он убежден, что в итоге его отправят в США. Он попросил политическое убежище в Эквадоре, и ему его предоставили. Да, это коллизия. Пока он находится на территории Эквадора, думаю никто не будет пытаться делать необдуманные поступки. Право на убежище нужно уважать либо оспаривать в юридическом процессе. Для этого есть соответствующие правовые нормы. Угрозы взять штурмом эквадорское посольство, как брали штурмом Зимний дворец, – вне рамок правового поля.

Вопрос: Меня, как гражданина России, и особенно как студента, получившего для изучения эстонский язык, не могут не интересовать проблемы данного региона, прежде всего отношения России и Эстонии. Мы помним, как некоторое время назад сообщалось о сносе памятника советскому солдату, возведении монумента солдатам «Ваффен-СС». Мы все знаем об отношении к русскоязычному населению Эстонии. В последнее время, к счастью, таких новостей приходит меньше. Как вы считаете, действительно ли ситуация стабилизировалась или можно ждать эскалации конфликта?

С.В.Лавров: Во-первых, я считаю, что вы получили очень интересный язык в качестве «одного из», как я понимаю. Эстония – наш сосед. Убежден в том, что в свое время руководство МГИМО(У) поступило очень правильно. Вскоре после не очень радостной для всех нас ситуации, когда перестал существовать Советский Союз, вуз стал предпринимать целенаправленные меры по внедрению в учебные программы языков наших соседей, включая тех, кто входил в состав единого СССР.

Мы заинтересованы в добрососедских отношениях с Эстонией. Исходим из того, что нашим людям уже нечего делить. Некоторое время назад (лет пять – семь) мы даже подписали Договор о границе, чего очень хотели наши эстонские соседи и Европейский союз. Эстонию приняли в Евросоюз в 2004 г. вместе с Латвией, Литвой и рядом восточноевропейских стран. Кстати, такой шаг нарушал правила, существовавшие на тот момент, поскольку в число критериев вступления в ЕС входит положение о том, что страна-кандидат не должна иметь территориальных проблем с соседями и должны быть оформлены границы. В период же волны расширения 2004 г. у Эстонии и Латвии не было оформленных границ с Российской Федерацией.

С тех пор мы подписали соответствующие пограничные договоры и с Латвией, и с Эстонией. Латвия провела ратификацию, в России она тоже состоялась по двустороннему договору, и он вступил в силу. Граница оформлена, сейчас ведутся последние демаркационные работы. С Эстонией мы подписали договор, где четко зафиксировали, что территориальные претензии не должны повториться, как это происходило в рамках так называемого Тартуского договора начала двадцатых годов прошлого века. Эстонские коллеги заверяли нас, что никаких претензий не будет и что новый договор окончательно закроет пограничную тему. Но когда документ был внесен на ратификацию, эстонский парламент в законе упомянул Тартуский договор, причем в контексте, который сохраняет территориальные претензии к Российской Федерации. Естественно, в таких условиях мы не смогли документ утвердить и отозвали свою подпись под договором. В то же время мы заявляем, что готовы сейчас заново начинать переговоры, но без сюрпризов, подобно тому, который произошел в эстонском парламенте.

Это – лишь один пример сохранения реваншистских настроений, попыток наших прибалтийских соседей будоражить тему так называемой «оккупации», требовать компенсацию. На днях, как я понимаю, Президент Литвы учредила комиссию по расследованию преступлений Холокоста, нацизма и «оккупации». Открыто говорят, что с России нужно требовать компенсацию, не упоминают о том, что промышленность наших прибалтийских соседей создавалась именно в годы, которые они считают оккупацией, отрицают все позитивное, что было в наших

■ Выступление Министра иностранных дел России

отношениях. Это, конечно, не облегчает задачу выстраивания сотрудничества в новых условиях, хотя интерес к этому очень большой и в наших деловых кругах, и среди научной интеллигенции и молодежи.

Вы упомянули проблему восприятия итогов Второй мировой войны и отношения к ним. Нет сомнения, что продолжают попытки героизировать нацистов и тех, кто сотрудничал с ними. Мы это видим и в Эстонии, и в Латвии, и, к сожалению, в позиции Европейского союза, где действует пресловутый «принцип солидарности». Все прячутся за этот принцип, когда абсолютное меньшинство членов ЕС начинает навязывать свои взгляды абсолютному большинству.

Характерный пример. Ежегодно Россия в соавторстве с рядом других государств вносит на Генеральной Ассамблее ООН резолюцию с осуждением любых форм расизма, неонацизма, расовой дискриминации, ксенофобии, в которой содержатся призывы к государствам не допускать в своей практике подобных проявлений на своей территории и в отношениях с другими странами. В документе никого не называют по имени, ни на кого не показывают пальцем. Европейский союз практически полным составом голосует против этой резолюции. В ответ на наши вопросы о причинах таких действий на встречах с коллегами из ЕС ничего внятного мы не слышим, кроме того, что шествование по городам и улицам бывших членов «Ваффен-СС» – это свобода слова.

Но свобода слова небеспредельна. Международный пакт о политических и гражданских правах, Европейская конвенция о правах человека прямо гласят, что свобода слова ограничивается, в том числе по соображениям нравственности, безопасности, здоровья общества, уважения религиозных убеждений. Если эти ограничения закреплены законом (а они в России и в большинстве европейских стран законодательно закреплены), то эти нормы должны соблюдаться.

Мы хотим снимать имеющиеся шероховатости в наших отношениях с Эстонией, выступаем за то, чтобы возобновить работу по оформлению границы и начать переговоры о новом пограничном договоре.

Но мы не будем в диалоге с правительством Эстонии и других стран ЕС закрывать глаза на нарушения обязательств по Европейской конвенции о правах человека, Европейской конвенции о региональных языках. Конечно, крупнейшая проблема в наших отношениях с прибалтийскими государствами – проблема безгражданства. Это – позор Европейского союза, позор НАТО, представляющей себя уже не столько военным оборонительным блоком, сколько «школой демократии». Если в этой школе уже «ученики», а считающие себя «аспирантами» государства, которые пытаются задавать там тон и спокойно отвергают обращенные к ним призывы выполнять рекомендации Совета Европы, ОБСЕ, ООН по резкому сокращению количества неграждан и продвижению к ликвидации этого позорного

института, у меня возникают вопросы к тем, кто их пытается защищать.

Нам говорят: пусть ваши русскоязычные соотечественники, которые в Латвии и Эстонии не могут получить гражданство, сдают языковые экзамены, после чего их гражданство будет ответствующим образом оформлено. Многие это делают, хотя количество натурализованных таким способом не вызывает оптимизма, учитывая, что их порядка 10–15 тысяч в год, а в обеих странах около полумиллиона человек. Мы ставили даже вопрос, чтобы дети, родившиеся в семьях неграждан, автоматически получали гражданство, равно как и люди преклонного возраста, которым уже трудно изучать язык. Нам это обещали, в частности латвийские соседи, но не сделали. Сейчас в Латвии намечается очередной референдум на эту тему. Думаю, в этом и есть проявление демократии. Пусть такие процедуры будут задействованы. Но сохранять институт безгражданства, не существующий в международном праве, недопустимо вне зависимости от референдумов.

И последнее на тему референдумов. Когда Эстония, Латвия и Литва проводили плебисциты в пользу отделения от Советского Союза и провозглашения независимости, голоса людей засчитывались. Большинство из них, наверное, голосовало за отделение от СССР. Значит, они хотели быть лояльными, благопристойными гражданами своих новых государств. Тогда их голоса были нужны, а сейчас они как бы не в счет. Поразительно, что для целей определения квоты Эстонии и Латвии при избрании в Европарламент численность населения этих стран рассчитывалась с учетом неграждан. Когда в этих странах проходят муниципальные выборы, неграждане не имеют права голоса и быть избранными. Думаю, слово «позор» мягко характеризует сложившуюся ситуацию.

Вопрос: Сергей Викторович, у меня краткий вопрос. Можете ли сказать, что ваш успех начался именно в МГИМО?

С.В. Лавров: Я не буду говорить в категориях успеха или неуспеха. Удовлетворение, которое получаю от трудовой деятельности, берет начало со студенческих лет. Учеба – это труд, а в МГИМО у нас была не только учеба, но и физический труд в строительных отрядах. Я четыре раза ездил и каждый раз получал удовлетворение. С тех пор каждый год, работая на разных постах в МИД, удовлетворение не проходит.

Вопрос: Сергей Викторович, какова роль стран Центральной Азии во внешней политике России?

С.В. Лавров: Мы считаем нашим главным приоритетом отношения с соседями на пространстве Содружества Независимых Государств. Центрально-Азиатский регион очень близок нам. Там страны, с которыми нас связывают союзнические отношения в рамках ОДКБ, а также СНГ; есть и экономический интеграционный формат – Евразийское экономическое

сообщество, которое сейчас развивается с учетом трехстороннего интеграционного процесса между Россией, Казахстаном и Белоруссией. Я знаю, что Киргизия и Таджикистан также заинтересованы в подключении к указанному более углубленному интеграционному формату. Думаю, у нас обоюдные интересы в том, что касается союзнических интеграционных связей, – это проявляется в ходе регулярных контактов между президентами России и центральноазиатских государств. Такой настрой подтвердился и в недавних контактах президентов В.В. Путина и А.Ш. Атамбаева. В развитие их договоренностей готовятся дополнительные документы для дальнейшего углубления сотрудничества во всех сферах. Такие документы, думаю, будут согласованы в достаточно обозримом будущем.

Я упомянул ОДКБ. Ее значение в современных условиях возрастает. Никто не знает, что будет происходить в Афганистане и вокруг него после 2014 г. Нам не совсем понятны заявления американских партнеров о том, что вот уходим из Афганистана, потому что ликвидировали террористическую угрозу, но одновременно хотим оставить там несколько десятков тысяч наших военнослужащих на хорошо укрепленных базах. Пытаемся понять, как это вписывается в оценку того, что террористической угрозы больше нет, ведем диалог. В любом случае международные силы в Афганистане находятся по мандату Совета Безопасности ООН, который ежегодно продлевается. Перед тем как эти силы будут оттуда выведены, необходимо доложить СБ ООН, какие же конкретно достижения достигнуты в борьбе с террористической и наркотической угрозами. Мы заинтересованы в том, чтобы эти силы работали успешно, предоставляем МССБ возможности транзита через территорию Российской Федерации для их снабжения, ротации техники, вооружений.

Естественно, хотим больше результатов, особенно в части борьбы с наркотрафиком. МССБ работают, как я уже сказал, с санкции Совета Безопасности ООН. Костяк их сил составляют контингенты стран НАТО. За период пребывания сил в Афганистане существенно возросло наркопроизводство. Соответственно экспорт наркотиков из Афганистана увеличился. От этого все больше страдают и центральноазиатские страны, и Российская Федерация, европейские государства и в меньшей степени – США, потому что Соединенные Штаты испытывают более серьезные проблемы от наркотиков, идущих из Центральной и Латинской Америки.

Наше предложение о том, чтобы МССБ более эффективно занимались уничтожением наркопосевов, нарколабораторий, наталкивается на сдержанное отношение и опасения роста угрозы для работающих в Афганистане контингентов. Совсем непонятен отказ стран НАТО от нашего предложения наладить сотрудничество между международными силами безопасности, которые действуют внутри Афганистана,

и ОДКБ, регулярно проводящей операцию по перехвату наркокараванов из Афганистана. Профессионалы убеждены, что подобное сотрудничество, координация в режиме реального времени существенно повысили бы результативность борьбы с наркотрафиком и наркопроизводством. Натовские партнеры отказываются без объяснения причин. Думаю, все дело в том, что они идеологически не хотят рассматривать ОДКБ в качестве равной Североатлантическому альянсу организации. Факт, что это не улучшает ситуацию с наркотрафиком и с террористическими проявлениями в регионе Центральной Азии. Взаимодействие ОДКБ и НАТО по этим направлениям было бы весьма востребовано. Но, как говорится, насильно мил не будешь. Поэтому в рамках ОДКБ мы вместе с Киргизией, Таджикистаном, Казахстаном, другими участниками Организации предпринимаем специальные меры по обеспечению безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Уверен, наше сотрудничество в этих вопросах будет только углубляться.

Вопрос: Считается, что профессия дипломата – удел мужчин. Чем вы можете это объяснить? На ваш взгляд, через какое время женщины станут востребованы в дипломатической сфере наравне с мужчинами? И будут ли вообще?

С.В.Лавров: Вы задали четыре вопроса, но три из них излишни. Вы начали с вопроса-утверждения: считается, что профессия дипломата – это профессия мужская. Я так не считаю. Остальные ваши вопросы неактуальны. Анатолий Васильевич упомянул в своем вступительном слове, что в нынешнем году девушек в МГИМО(У) вновь поступило больше, чем юношей. Понятно, что по окончании Университета далеко не все идут в МИД. Большой спрос сохраняется у бизнеса, многие выбирают журналистику, юриспруденцию. По-прежнему основной костяк поступающих на работу в МИД – контингент МГИМО, хотя мы принимаем выпускников более тридцати учебных заведений со всей страны – от Калининграда до Дальнего Востока.

Хотел бы еще раз поблагодарить руководство МГИМО(У), которое бескорыстно помогает желающим поступить ребятам в рамках зимних каникул пройти перед выпуском из школ на базе Университета курсы, которые чуть глубже вводят в международную тематику.

Но это – лирическое отступление. В МИД тоже практически каждый год количество поступающих на дипломатическую службу юношей и девушек, как минимум, одинаковое. У нас нет каких-то предубеждений. Гораздо больше женщин выдвигаются на значимые посты. У меня сегодня нет статистических выкладок, но я регулярно встречаюсь с представителями Женского совета Министерства иностранных дел. Они отмечают, что такая тенденция устойчиво развивается: есть женщина в должности заместителя директора департамента, генеральный консул–женщина, женщина–посол, женщина–

■ Выступление Министра иностранных дел России

представитель при ЮНЕСКО. Согласен, этого мало. Понятно, что проблемы, возникающие в случае рождения ребенка, должны каким-то образом решаться. Приняты соответствующие законы, но в дальнейшем все зависит от самого человека. Некоторые же в МИД выходят замуж, предпочитают заняться семьей – это их выбор и право. Но приходит очень много талантливых девушек, кто готов работать. Они превращаются со временем в серьезных женщин-дипломатов. Будем только поддерживать такой процесс.

Вопрос: Как известно, каждый молодой специалист после окончания Университета должен пройти определенную школу, работая в странах в самых разных регионах, в том числе странах третьего мира. Как и за какое время дипломат, получивший распределение в одну из таких стран, может со временем стать представителем в одном из развитых регионов? Если не секрет, как и за какое время это получилось лично у вас?

С.В. Лавров: Все индивидуально. Посольская должность может быть завершением карьеры, а может быть получена в ее середине. У нас нет какого-то обязательного списка регионов, через которые нужно пройти, чтобы стать послом. Традиционно, начиная с дипломатии Российской империи и затем в советский период, акцент делался не на «обкатывание» дипломатов по максимально большому количеству стран и регионов, а на специализацию. На современном этапе, после 1992 г., в министерстве была предпринята попытка решить ряд вопросов, связанных со специализацией, даже принудительно. Приведу один конкретный пример. На Коллегии однажды рассматривался вопрос о направлении сотрудника в Монголию в пятый раз за период работы в МИД, причем речь шла о предпенсионной поездке. Руководитель Управления кадров (в то время было Управление) выступил категорически против: нечего, мол, ему ездить в Монголию, пусть поработает в какой-нибудь Европе. А человек умолял, стоял буквально на коленях – люблю я Монголию, там меня все знают, там есть выход на руководство, рыбалка, охота. Нет, не пустили.

На Западе действует другая система. После двух-трех лет в одной стране могут без заезда в столицу перевести в другую. Так можно лет десять путешествовать, прежде чем вернуться на работу в свое министерство иностранных дел. Плюсы и минусы есть и у той, и у другой системы. Думаю, оптимальный выход – в комбинации того и другого принципа. Специализация очень важна, особенно когда наработаны связи, когда начинаешь работу молодым сотрудником посольства, заводишь знакомства, а потом эти твои знакомые – тоже молодые сотрудники министерства соответствующей страны – делают карьеру, получают важные назначения. Грех не использовать такие связи, все так поступают.

С другой стороны, когда обсуждается конкретная тема, все больше ощущается потребность в широком кругозоре, особенно если это касается работы в столицах крупных государств – стран

«восьмерки», Китая, Индии, Бразилии, ЮАР, – государств, имеющих интересы по большинству аспектов международной повестки дня. Поэтому двусторонние послы и дипломаты, работающие в посольствах России в этих государствах, должны иметь обширные знания. Как правило, не все можно подчерпнуть из Интернета или из наших внутренних служебных материалов.

Сколько нужно времени? Я стал представителем при ООН в 1994 г., когда мне было 44 года. К тому времени в МИДе работал уже 22 года. Но это – далеко не рекорд. У нас есть послы, которые поехали в первый раз в эту должность в 35 – 37 лет. Так что держайте. Главное – желание, которое будет капитализировано в результаты работы.

Вопрос: Собирается ли Россия перенимать западные стандарты в решении экологических проблем? Если нет, будет ли создана какая-то собственная, не менее эффективная, чем западная система?

С.В. Лавров: Мы собираемся следить за окружающей средой гораздо более тщательно, чем до недавнего времени. У нашей страны тяжелое наследие в этом плане, особенно это проявляется в северных широтах. Вы знаете, что с учетом таяния льдов резко возрос транзит через Северный морской путь, который становится все более навигационно удобным. В свое время В.В. Путин ездил с инспекционной поездкой в те края и принял решение, что надо срочно наводить порядок и в экологии. Соответствующие меры уже принимаются.

У нас имеются собственные стандарты, есть и международные обязательства, в частности в рамках таких организаций, как Совет государств Балтийского моря. Охрана среды обитания в акватории Балтики – один из приоритетов. Я упомянул Арктику. Защита окружающей среды и проживания там коренных народов – один из приоритетов Арктического совета. Действует Организация Черноморского экономического сотрудничества, где также существуют согласованные нормы экологической политики. Каспийское море – пять прикаспийских государств разработали соответствующую Конвенцию по защите экологии и биоресурсов и т.д. Что касается других многосторонних форматов – удачен пример Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Одно из решений, которое готовится для одобрения лидерами (на саммите во Владивостоке), – снижение до 5 % импортных пошлин на экологически чистые товары, перечень которых предстоит согласовать.

Упомяну, конечно, Программу ООН по охране окружающей среды, в которой Россия является активным участником, подключившись к разработке уже не региональных, а универсальных стандартов. Помимо этого у нас имеются стандарты, учитывающие международную специфику и характер проблем окружающей среды в Российской Федерации. Могу заверить в приоритетности таких усилий руководства нашей страны и убежден, что их актуальность сохранится.

Вопрос: Каковы проблемы и перспективы российско-индийских отношений на современном этапе, поскольку в Интернете и СМИ нет широкой информации о данном регионе?

С.В. Лавров: Напомню, что кроме Интернета и прессы есть еще научная литература, в которой российско-индийские отношения описаны достаточно серьезно и всеохватывающе. Индия – наш стратегический партнер. На прошлогодней встрече президентов России и Индии была принята Декларация, в которой партнерство между нашими странами названо привилегированным стратегическим, что подчеркивает особый характер наших отношений. Он определяется историей, солидарностью Советского Союза с Индией в период ее деколонизации и обретения независимости, когда СССР поддерживал эту страну политически и создавал промышленное производство. Нужно также сказать о культурном сотрудничестве и гуманитарных связях. Индийские фильмы до сих пор занимают, пожалуй, одно из первых мест по популярности в нашей стране.

Мы стратегические партнеры и по проблематике мироустройства. Россия и Индия одинаково смотрят на проблемы современного мира; совместно выступаем за то, чтобы все государства свято соблюдали обязательства по Уставу ООН, не вмешивались во внутренние дела друг друга, уважали суверенитет, территориальную целостность, политическую независимость всех без исключения государств. Москва и Дели за то, чтобы верховенство закона, о котором западные партнеры любят говорить применительно к ситуации внутри государств, было обеспечено и в международных отношениях. Иными словами, чтобы уважалось международное право. Индия – наш союзник в этих вопросах. Обе страны выступают за демократизацию международных отношений. Учитывая близкий характер отношений между нашими странами, роль Индии как крупной региональной державы, интересы которой выходят далеко за рамки этого региона, а также наше партнерство в рамках БРИКС, поддерживаем дальнейшее подключение Индии к различным многосторонним структурам. Это касается и обретения этой страной полноправного членства в ШОС, и присоединения к кругу Постоянных членов СБ ООН.

Вопрос: Поскольку мне по распределению достался амхарский язык, хотелось бы спросить о перспективах российско-эфиопских отношений.

С.В. Лавров: Эфиопия также является давним другом. Мы поддерживали африканские страны в их борьбе против колониализма. Они помнят роль, которую наша страна сыграла в освобождении Африки от колониального господства. Эфиопия была и остается одним из лидеров африканских государств. В Аддис-Абебе расположена штаб-квартира Африканского союза. Это тоже делает роль Эфиопии более значимой в африканских делах и не только, поскольку

с Африканским союзом отношения установили ЕС, Российская Федерация, США. К сожалению, в настоящее время у Эфиопии серьезные проблемы с Эритреей. Когда-то это было единое государство, потом произошел «развод», который пока до конца не оформится для наступления полного спокойствия. Мы поддерживаем решение этих проблем через диалог. Есть соответствующие решения СБ ООН. Между нашими странами хорошо развиваются культурные связи и политические контакты. Не хватает, правда, более серьезной экономической составляющей. Пока двусторонние торгово-экономические связи по объему далеки от имеющегося потенциала.

А по поводу языков, которые вам достаются, не переживайте. Вы упоминаете об этом как-то обреченно. Я был ошарашен, когда 1 сентября 1967 г. пришел к старому зданию МГИМО и увидел, что буду изучать сингальский язык. Был тогда убежден, что это где-то в Африке, скорее в Сенегале. А оказалось, что это язык, на котором говорит 70% населения Шри-Ланки.

Вопрос: Мое дальнейшее обучение будет связано с группой финно-угорских языков, в частности с эстонским. Вы уже озвучили проблемы этого региона. Какие, на ваш взгляд, наиболее перспективные пути сотрудничества с этими странами?

С.В. Лавров: Я уже говорил про Эстонию. Мы выступаем за то, чтобы все проблемы, которые мы не заглушеваем, решались и не мешали бы нам двигаться вперед, где это отвечает интересам обоих государств. Мы к этому готовы. Думаю, при наличии доброй воли со стороны эстонского руководства можно урегулировать проблемы и получать взаимную выгоду от развития сотрудничества, тем более что мы соседи и у нас есть естественные преимущества по целому ряду вопросов.

Что касается финно-угорских народов, то, кроме Эстонии, в эту группу входят Венгрия и Финляндия. С Финляндией у нас тесные отношения. Это всем хорошо известно. Регулярно проходят контакты между президентами, главами правительств, на уровне министров. 20 августа 2012 г. по приглашению моего финского коллеги я ездил в Хельсинки, где помимо встреч с президентом, премьер-министром и переговоров с министром иностранных дел выступил на совещании послов Финляндии в зарубежных странах. Это достаточно почетное приглашение и отражает доверительный и взаимовыгодный уровень отношений между нашими государствами с хорошей экономической составляющей и еще большим потенциалом, в том числе в туристической сфере (за прошлый год зафиксировано более 10 млн пересечений границы между Россией и Финляндией). Поэтому сейчас перед нами стоят сугубо практические задачи по устройству более удобных пунктов пропуска. Финны приезжают в Санкт-Петербург на трое суток без виз, поддерживают нас в необходимости скорейшего перехода на безвизовый режим

■ Выступление Министра иностранных дел России

с Европейским союзом. Так что речь ведем об очень позитивных отношениях.

Хорошие перспективы отношений у России с Венгрией. Несмотря на то что Венгрия является членом НАТО и Европейского союза, она не пытается в наших отношениях делать из этого проблему. Думаю, в ближайшее время двусторонние отношения в сфере экономики и взаимных инвестиций могут достаточно серьезно пойти на глубину. У вас хорошие перспективы, желаю успехов.

Вопрос: 2 сентября мы отмечаем очередную годовщину окончания Второй мировой войны, но вместе с тем видим претензии Японии на Курильские острова. Аналогичные претензии Япония выдвигает к Корее и Китаю. Почему до сих пор не заключен мирный договор с Японией и почему этого нельзя сделать в рамках какой-нибудь международной организации, например в АТЭС?

С.В. Лавров: АТЭС – не межгосударственное образование, а форум экономик. Он имеет особый статус, поэтому любые межгосударственные политические и юридические договоренности в рамках АТЭС по определению не рассматриваются. Там обсуждаются экономические вопросы.

В настоящее время мы не видим препятствий для развития отношений с Токио даже в отсутствие мирного договора. Есть двусторонняя Декларация 1956 года, которая, по сути, возобновила отношения между нашими странами. В ней упоминается необходимость заключения мирного договора до обсуждения территориальных вопросов. Мирный договор – сначала при всех обстоятельствах. Наша позиция проста – и мы ее не раз излагали: мирный договор, Сан-Францисский договор и другие неуниверсальные документы важны. Но важнее любого многостороннего юридического инструмента – Устав ООН, который фиксирует итоги, в том числе и территориальные, Второй мировой войны. Все государства – члены ООН, прежде чем стать полноправным членом Организации, подписывают и ратифицируют Устав – это та «печка», от которой нужно «плясать».

Вопрос: Испытывает ли в настоящее время МИД недостаток или переизбыток молодых дипломатических кадров?

С.В. Лавров: Недостатка мы точно не испытываем, переизбытка тоже. Однако есть проблема. В начале конце 1980 – 1990-х гг., когда получили развитие кооперативное движение и частное предпринимательство, только что образовавшимся частным компаниям требовались кадры с хорошим знанием иностранных языков для целей общения за границей. Поскольку тогда зарплаты в МИД были близки к нищенским, то предложение в 500 долларов в месяц казалось привлекательным для сотрудников Министерства, и прослойка «рабочих лошадок» – дипломатов среднего звена (первых, вторых секретарей и даже советников) – серьезно истощилась

в тот период. Какое-то время назад мы стали это ощущать. Молодежь вроде пришла в МИД на смену старшему поколению, но образовался «провал» в категории молодых, но уже опытных людей, проработавших с десятков лет в МИД, способных самостоятельно готовить документы. Сейчас проблема решается, поскольку новые волны выпускников, ежегодно принимаемых в МИД, обретают силу (хотя пока еще не стали «цунами», но близко к этому). Шучу, конечно. На самом же деле, думаю, в настоящее время у нас оптимальный кадровый баланс.

Вопрос: Какие геополитические последствия для России может иметь передача Украине Тузлинской косы?

С.В. Лавров: Вопрос был достаточно острым лет восемь. Мы ведем переговоры с украинскими коллегами о решении проблемы акватории Азовского моря, Керченского пролива и Черного моря. Все эти вопросы взаимосвязаны, дискуссии продолжаются, но есть принципиальное понимание по некоторым их аспектам, хотя окончательной договоренности пока не достигнуто. Уверен, что интересы Российской Федерации, как и интересы Украины, будут полностью обеспечены. Необходимо добиваться решений, которые будут комфортны для наших двух стран.

Вопрос: Если бы у власти был Петр I, где бы он построил столицу?

С.В. Лавров: В Санкт-Петербурге Петр I в свое время уже построил столицу. Поэтому не понимаю вашего вопроса. Нет необходимости в новой столице – у нас есть две столицы: Москва и Петербург.

Вопрос: МГИМО – это не только учеба, но и спорт. Вы болельщик «Спартак». Пойдете ли на прощальный матч Егора Титова, который состоится 9 сентября?

С.В. Лавров: Я буду во Владивостоке, но если бы успел вернуться, то обязательно пошел бы. Мы несколько раз вместе играли в мини-футбол. Это действительно отдельные впечатления. Чувствуешь себя по-другому на поле, когда рядом такие мастера. Я иногда общаюсь со многими «спартаковцами» на футбольном поле – Ю.В. Гавриловым, Д.А. Аленичевым и другими. Любите не только спорт в себе, но и себя в спорте. Надо заниматься спортом. Уверен, в МГИМО(У) есть для этого все возможности.

Спасибо и всего доброго.

1 сентября 2012 года